5. Старухѣ въ ето время пала мы́сля про медвѣдшика: „у насъ вѣдь медвѣдшикъ на дворѣ *ишо́*! и побѣгу я поскорѣ!..“ „Есь, батюшки, въ мѣшкѣ ишо́!“—„А гдѣ онъ?“—„А сечасъ пойду принесу́“.—„Ну-ко иди, ташшы́!“—Старуха выскочила: „батюшко медвѣдчикъ, вѣдь у насъ бѣда! Вѣдь старика-та наврядъ ли ужъ не зарѣзали!“ — „Посто́й, старуха, не ходи! Маленько погоди́, и пойдёмъ вмѣстѣ со мной!..“ „Ну-ко, Михаи́ло Иванычъ, става́й! пойдёмъ, братъ, съ нами! Я тебя хлѣбомъ накормлю и вино́мъ-то напою́: пособи́ намъ со старухой!“

Медвѣдь — *кру́то* онъ подня́лся, а медвѣдшикъ за цѣпь скоро взя́лся.—„Ты, хозя́юшка, впередъ, а я иду за тобой!“—Медвѣдшикъ медвѣдя ведётъ, цѣпь у ево и бря́катъ—какъ будто мѣдны деньги въ мѣшкѣ. Отворя́тъ старуха дверь. Разбойники *пыхъ* ко дверѣ. — „Што, старуха? несёшь?“ — Медвѣдь живо въ избу забѣгаетъ и начина́тъ разбойниковъ ловить; какъ которова схва́титъ въ лапу, повали́тъ на́ полъ; шестерыхъ убилъ до сме́рти, а шестерыхъ забра́лъ подъ себя; онѣ изъ подъ нево хо́чутъ вылѣза́ть, а онъ лапой ихъ бьётъ.

Старикъ *палъ* на па́ру лошадей и погна́лъ на рѣчку къ ямшыка́мъ. — „Вотъ, батюшки, грабёжъ!“ — Ямшыки́ ся́ли къ ему въ каре́ту, пригоняютъ къ ему въ домъ. Нужно слѣдство навести. *Пригоня́етъ* становой, дѣлаетъ допросъ... И старикъ со старухой — напили́сь онѣ вина́ и сдѣлались совершенно безъ ума.

---

38. „Калужина и ямшыки“.

1. Ямшыки́ ѣхали съ това́ромъ. Полъ ихъ большой обозъ Сибирскимъ тра́ктомъ. Это было въ старинные ишо года́, коѣда были дороги не исправлены *ишо́*; дороги были съ бо́ку на́ бокъ, были сосновые ко́рни, задѣвали ося́ми за лѣси́ны.

И три мужика́ задумали у этѣхъ ямшыко́въ укрась изъ возовъ; замѣтили, што онѣ везутъ чай. А раньше чай были зашиты въ *ширйнахъ* (въ коровьихъ кожахъ съ шерстью). Онѣ пошли всѣ тро́е на дорогу. Одинъ изъ троихъ приготовилъ себѣ живыхъ трёхъ чебако́въ и поло́жилъ ихъ въ свѣжую воду въ ведёрко, штобы онѣ могли по крайней

мѣрѣ терпѣть живы́мя однѣ сутки. Взялъ съ собой удочку и вы́бралъ такое мѣсто на большой дорогѣ: большая ка(о)лужи́на на дорогѣ; она, отъ большо́ва дожжа́, эта ка(о)лужи́на бываетъ глубока́, безъ малова што заливàтца и въ телѣгу; а объѣхать е(и)ё некакимъ родомъ нельзя ямшыка́мъ.

Дорога была *кривуля́стая*. Двоё мужики́ ушли впередъ, а у которова удочка и рыба, онъ сялъ въ калужи́нѣ у́дить. Сидитъ мужикъ у калужи́ны, забро́силъ свою удочку удить.— И поду́мать надо объ етомъ, што какая жо рыба можетъ быть на дорогѣ? Ежли-бъ была́ бы тутъ рѣчка, дакъ могло́ бы быть.

Мужикъ сидитъ и удитъ. Ямшыки́ ближе подъѣзжаютъ, идутъ толпой и говорятъ: „смотри́те-ко ребята: какой-то дуракъ удитъ на дорогѣ! хто ему тутъ далъ рыбу?“—Подъѣзжаютъ онѣ ближе. Мужикъ подвинулся къ боку доро́ги (съ удочкой), — не мѣшая лошадямъ, штобы переходили ету калужи́ну съ гру́зными возами. Лошади тихонько идутъ по кривуля́стой дорогѣ, а ямшыки́ остáновились у мужика́ и глядятъ; и мужику говорятъ: „Што́ ты удишь? какая тутъ тебѣ рыба? хто тебѣ тутъ иё надавалъ?“ — „А вы разѣ не видите: у меня въ ведёркѣ-то живая рыба?“—Ямшыки взгляну́ли: дѣйствительно, въ ведёркѣ рыба. Ямшыки всѣ, ото всево *обво́зу*, собрали́ся и глядя́тъ; а рыболовъ какъ разъ только дёрнулъ удочкой и говоритъ: „Ахъ, сорвало́сь!.. Ну, да можетъ быть впередѣ-то удало́сь!“

А въ это времё два товаришша ево поддѣли два мѣста чаю и пошли онѣ въ лѣсъ.

Обво́зъ уже весь прохóдитъ, а рыбло́въ всё ишо сидитъ, съ ума́ не сходитъ. Ямшыки и говорятъ передово́му: „иди́ко, братъ, впередъ! тамъ правь лошадь!“—Ямшыкъ добѣгаетъ до пере́дней, глядитъ: на одной телѣгѣ два мѣста чаю нѣтъ. Передней ямшыкъ закричалъ: „въ кривуля́стой дорогѣ“, — кричитъ, што—„ограбили!“—Ямшыки всѣ сбѣжались, видятъ дѣйствительно, што двухъ мѣсто́въ чаю нѣтъ, и збѣга́ютца въ одно мѣсто. — „Што, братъ, будемъ дѣлать теперь? гдѣ будемъ искать?“—Одинъ говоритъ: „hдѣ искать? доведёцца платить!“—Закрыли возъ рого́жами и поѣхали впередъ.

2. Заѣзжаютъ онѣ въ селёньё, спрашиваютъ старухи: „хто, баушка, пуска́тъ на хвате́ру?“ — „А вотъ заѣзжайте-

ко тутъ! новой постоя́лой; вдова-та славная была". — Дѣло уже къ но́чѣ. Заѣзжаютъ онѣ и на дворъ. Хозяйка спрашиватъ: „са(о)моваръ готовить?" — „Поставь, голубушка!" — „А сколько васъ?" — А ихъ было 12 человѣкъ, а онѣ ей сказали: 11; одново́ закрыли въ телѣгѣ рого́жей: што „не будетъ ли какой кра́жи опять?"

А у етой у *постоялки* въ одномъ углу *огра̀ды* стояли и телѣги, и оглобли, и старые *кривули*. Подъ этими телѣгами находился тамъ подва́лъ, а тамъ жили три разбойника: которые чай-то украли, онѣ и жили у ней. Хозяйка напоила ча́емъ ямшыко́въ и накорми́ла у́жиной. Послѣ ужины кладётъ въ скатёрку кусковъ, да поло́жила цѣльной ры́бной пирогъ, вышла на дворъ и кричитъ: „Бѣлько, бѣлько, хлѣба на́!" — Отворятца у подвалу западня, выходитъ тамъ разбойникъ и берётъ у хозяйки у́золъ съ хлѣбомъ: и скрылся въ западню и запёрся.

А ямшыкъ въ телѣгѣ догада̀лся: „А, вотъ куды нашъ чай попа́лся!" — Приговорилъ къ себѣ поближе топоръ. Ямшыки укла́лись спать. А ему нужно было объ этомъ узнать. што̀ тамъ за лю́ди живутъ? Мужикъ лежитъ, не дремлетъ; закрылся самъ рогожей. Вдругъ отворя́тца западня, подходитъ онъ тутъ къ возу, гдѣ лежитъ мужикъ въ телѣгѣ; поглядѣлъ: тутъ какой-то товаръ — были штуки тутъ дорогова дра́пу. Разбойникъ тихонько и говоритъ (драпу штуку шевели́тъ): „вотъ ета штука хороша́, и зипуны́ изъ ие́ нашьёмъ!" — Только разбойникъ склонился подъ телѣгу — розвяза̀ть внизу верёвку, — а ямшыкъ топоромъ хлопъ разбойника ладо́мъ. Разбойникъ отъ удару повали́лся, а ямшыкъ забѣга́етъ въ ызбу: „тава́ришшы, ставай! пойдёмте-ко на дворъ! убитъ лежитъ тутъ воръ". — „А гдѣ ишо другой?" — „А въ подва́лѣ за дугой".

Онѣ зглянули съ огонькомъ: мноho тамъ товару, и не уйдётъ въ одинъ омбаръ! — Онѣ живо къ атама́ну: „Вотъ кража у насъ случилась. Господинъ ты атама́нъ, а ты не дѣлай намъ омма́нъ! Вотъ у етой калужи́ны украли чаю у насъ два мѣста". — Атаманъ имъ тутъ сказалъ: „Клади́те, братцы, чай и поѣзжайте вы домой по доро́жкѣ столбово́й!"

Ямшыки тутъ выѣзжаютъ, а хозяюшка ругаетъ: „и такіе *варнаки́*! и не о́тдали за чай мнѣ пятаки!"